

Герман Ермолаев

Запад глазами советской цензуры 1946-1953 годов

Studia Rossica Posnaniensia 25, 75-81

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЗАПАД ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ 1946-1953 ГОДОВ

THE VIEW OF THE WEST IN SOVIET CENSORSHIP IN THE YEARS 1946-1953

ГЕРМАН ЕРМОЛАЕВ

ABSTRACT. The author shows the character and specifics of the interference caused by Soviet censorship in order to create a negative opinion of the West among writers and, above all, readers.

Herman Ermolaev, Department of Slavic Languages and Literatures, 028 East Pyne, Princeton University, Princeton, New Jersey 08544-5264, USA.

Время с конца войны до смерти Сталина – самый мрачный период в истории советской цензуры. Начало ему положило постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах „Звезда” и „Ленинград”. ЦК обвинил редакции обоих журналов в опубликовании безыдейных, идеологически вредных, пошлых произведений, возводящих клевету на советский образ жизни. Одновременно постановление отметило появление вещей, проникнутых духом низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада. ЦК напоминал, что советская литература обязана воспитывать людей, в особенности молодежь, в русле политических задач государства¹. Претворение в жизнь партийного приказа было поручено Андрею Жданову, который призвал писателей к изображению великолепных качеств советского человека и к смелому наступлению на растленную буржуазную культуру².

Антизападная политика партии имела целью рассеять благоприятные впечатления о зарубежной жизни, которые сложились у миллионов

¹ О журналах „Звезда” и „Ленинград”, Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г., „Правда”, 20 августа 1946 г.

² Доклад т. Жданова о журналах „Звезда” и „Ленинград”, „Правда”, 21 сентября 1946 г. Данный текст представляет собой сокращенную и обобщенную стенограмму двух докладов Жданова, сделанных между 14 и 21 августа, то есть до первого опубликования постановления ЦК в газете „Культура и жизнь” от 20 августа 1946 года. См.: *Собрание актива Ленинградской партийной организации. Собрание писателей г. Ленинграда*, „Правда”, 21 августа 1946 г.

людей, побывавших за границей во время войны. Кроме того, партия решила вытравить из интеллигенции всякие надежды на политическую и творческую свободу в послевоенной России.

Вдохновителем постановления ЦК был Сталин. В этот документ вошло многое из того, что он сказал на встрече с группой писателей и кинематографистов 9 августа 1946 г. о Зощенко, Ахматовой, о провинившихся журналах и низкопоклонстве перед Западом³. 13 мая 1947 года в разговоре с руководителями Союза писателей Сталин заявил, что у средней советской интеллигенции недостаточно развито чувство патриотизма, что она преклоняется перед заграничной культурой. Это восходящее к Петру I самоуничижение должно быть искоренено. О низкопоклонстве „надо написать произведение. Роман”⁴. Вскоре появились многочисленные сочинения, воспевающие патриотизм и бичующие пресмыкательство перед Западом.

В условиях полного политического закабаления литературы цензура, состоящая из цензоров Главлита и редакторов издательств, максимально повысила свою бдительность. Строжайшей проверке подвергались как вновь написанные, так и ранние произведения. Одной из первых жертв оказался *Разин Степан* (1925-1927) Алексея Чапыгина. В издании романа 1948 года, подписанного в печать 30 декабря 1947 года, насчитывается около 120 купюр. В большинстве случаев удалены места, свидетельствующие о жестокости, некультурности и распущенности в России XVII века. Изъятия антизападного характера затронули только нелестные наблюдения проживающих в России немцев над ее коренным населением. Цензура запретила немецкому доктору называть Россию Скифией, а ее обитателей – рабами, варварами, дикарями, которые с наслаждением убивают людей и живут в вонючих избах. В другом месте были сняты высказывания офицера-немца о пьянстве, трусости, глупости, лени и жестокости русского народа⁵. Цензорам, очевидно, не было дела до того, что Чапыгин изобразил немецких критиков с оттенком юмора, потешаясь над их высокомерием и самоудовольствием.

Через два года в следующем издании *Разина Степана* количество антизападных изъятий резко возросло. Исчезли почти все уничижительные отзывы немцев о русских и, самое главное, места, где

³ Подробности о встрече – в записи о ней Всеволода Вишневского. В ст.: Б. Сарнов, Е. Чуковская, *Случай Зощенко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946-1958)*, „Юность” 1988, № 4, с. 70-71.

⁴ Цит. по: К. Симонов, *Глазами человека моего поколения (Размышления о И.В. Сталине)*, „Знамя” 1988, №3, с. 59, 61.

⁵ Ср.: *Разин Степан*, Ленинград 1939, с. 32-33, 64-65, 534-535; *Разин Степан*, Москва 1948, с. 32, 63, 524.

речь шла о вкладе иностранцев в военное дело и культуры России. Убраны были замечания Степана Разина о том, что царь укрепляет свою силу с помощью иноземных ученых и военных⁶. Ничего не осталось от полутора страниц, на которых дьяк Тайного приказа читал царю Алексею список чужеземцев, находившихся на царской службе. При обсуждении списка выяснилось, что их было около тысячи. Все они занимали командные должности, начиная с генерала, или служили гранатными и пушечными мастерами. Царь и его окружение питали к заморским ратникам больше доверия, чем к боярам и дворянам, половина которых уклонилась от войны с Польшей (393-394; 363). Апогеем цензурного абсурда можно считать удаление авторского сообщения о том, что Успенский собор был построен итальянцем Фиоравенти, а Архангельский – миланским архитектором Алевизом Новым (230; 215).

В 1948 году вышли две редакции *Севастопольской страды* (1937 - 1939) Сергея Сергеева-Ценского. Ранняя редакция воспризвела текст романа 1942 года, а поздняя содержала около 255 поправок, преимущественно сокращений, касающихся Запада. В отличие от Чапыгина Сергеев-Ценский в 1948 году был жив, но едва ли можно предположить, что он добровольно произвел чистку своего сочинения. В романе крымская война была изображена как конфликт между прогрессивным Западом и отсталым Востоком. Независимо от желания автора цензура конца сороковых годов не могла принять такого противопоставления. Этим и объясняется исключение авторских утверждений о том, что „под влиянием революционных идей демократизировалась вся Европа, только Россия обречена была на умственный застой, что в Европе возникло два лагеря – „либеральный Запад и консервативный Восток” (Россия, Австрия, Пруссия), что в сражении на Алме между русскими и англичанами победили те, кто имел парламент и свободу печати, лучшую технику и гораздо лучший военный строй”⁷.

Военное превосходство Запада неоднократно подчеркивалось в ранних изданиях романа. По мнению автора, Англия и Франция были самыми сильными морскими державами, высадка союзников в Крыму не имела прецедента в новейшей истории (1:105; 87), Англия располагала

⁶ Ср.: *Разин Степан*, 1948, с. 344, 422; *Разин Степан*, Москва 1950, с. 319, 390. В дальнейшем ссылки на эти издания – в тексте в скобках с указанием страниц.

⁷ Ср.: *Севастопольская страда*, ч. 1, Москва 1948, с. 128, 189, 239. *Севастопольская страда*, кн. 1, Москва 1948, с. 106, 157, 196. Роман Сергеева-Ценского состоит из девяти частей и эпилога. В издательстве „Советский писатель” он вышел в трех книгах (кн. 1: ч. 1-3; кн. 2: ч. 4-6; кн. 3: ч. 7-9 и эпилог), а в Гослитиздате в двух книгах (кн. 1: ч. 1-5; кн. 2: ч. 6-9 и эпилог). В дальнейшем ссылки на эти издания – в тексте с указанием частей (1-9) и страниц. Эпилог обозначается буквой „э”.

самой стойкой пехотой и самой мощной и меткой артиллерией в мире (1:42; 35), французские зуавы стяжали славу лучших солдат Европы (6:473; 77). Все эти оценки не вошли в позднюю редакцию 1948 года.

То же самое произошло со сведениями об индустриальном и торговом развитии Англии. Цензура отвергла статистические данные о производстве железа и чугуна, согласно которым в Англии выпадало по 183 фунта этих металлов на человека, а в России – семь. Помимо того, Англия добывала и потребляла огромное количество угля, тогда как в России угольная промышленность находилась в зачаточном состоянии (1:236; 194). Не пришлось ко двору и лондонские доки, поражавшие путешественников, особенно русских, обилием складов и торговых судов (1:243-244; 200). Цензоры вычеркнули даже имя Джеймса Уатта как изобретателя паровой машины (1:243; 199). Аналогичное по нелепости табу было наложено на замечание о том, что французские мины „были шире и чище сделаны”, чем русские (6:402; 20). В интересах отечественного кораблестроения цензура возбранила России заказывать в Англии новые большие пароходы (1:161-162, 165, 133, 136), а контр-адмиралу Бутакову отменила командировку в эту страну для изучения строительства паровых броненосцев (3:644; 693).

В борьбе с западной философией цензоры подменили интересы подпоручника Бородатова. Вместо идей Фурье и Сен-Симона он начал увлекаться идеями Белинского и Герцена. Прежнюю причину его ареста – высказывания о *L'industrie* Сен-Симона – сменили высказывания о письме Белинского к Гоголю (8:280; 388, 389). Обе эти поправки выглядят довольно невинными в сравнении с изъятием беглого упоминания о Парацельсе и сноски, рекомендовавшей его как „основоположника научной фармацевтической химии и экспериментального метода лечения” (5:323; 738). Достижения жившего в XVI швейцарца помешали, по-видимому, пропаганде приоритетов русской науки. Неприемлемыми оказались и амурные успехи иностранцев. Цензура вымарала авторские слова о том, что французская поэтесса Адель Омер де Гелль кружила голову Лермонтову в 1840 году (1:245; 201).

Антизападная кампания дошла до того, что цензоры *Севастопольской страды* должны были затушевывать агрессивность внешней политики Николая I, которая, на взгляд Сергеева-Ценского, вынудила союзников вступить в войну с Россией. В романе прямо говорилось, что царь привлек десант союзников в Крым „своими слишком самонадеянными шагами” (1:81, 5:327; 67, 741). У англичан „были основания предполагать”, что Николай намеревался сделать Константинополь столицей особого царства во главе с одним из своих сыновей, а также захватить Молдавию и Валахию (2:250; 205). Вторжение русских в эти княжества заставило союзников ввести свои суда в Дарданеллы для

защиты Константинополя от русского флота, который и начал войну разгромом турецкой эскадры у Синопа (2:254; 207). Все эти и подобные им заявления были забракованы в 1948 году.

Через два года в роман Сергеева-Ценского было внесено по меньшей мере 85 новых поправок. Больше половины из них касались положительных сторон Запада. Устранены, например, были сопоставления свободной западной прессы с подцензурной русской. Не остались без внимания и чисто национальные черты европейцев. Французы перестали быть людьми „весьма живой фантазии”, а англичане – „природными туристами”⁸. Вереница сокращений в конце романа скрыла от читателя рыцарское отношение французов к пленным русским офицерам. Можно немного утешиться тем, что почти все поправки 1950 года не попали в последующие издания романа, которые печатались по поздней редакции 1948 года с незначительными разночтениями.

Из произведений о гражданской войне, испытавших на себе воздействие антизападной пропаганды, следует выделить пьесу Всеволода Иванова *Бронепоезд 14-69* (1927). Ее „новая редакция”, вышедшая в 1952 году, оказалась набитой добавлениями о враждебных действиях французов, англичан и – в первую очередь – американцев на Дальнем Востоке. К началу пятидесятых годов США прочно заняли первое место среди врагов Советского Союза, так как они были единственной страной, способной воспрепятствовать коммунистической экспансии. В „новой редакции” пьесы гораздо больше говорится об участии американцев в боях с красными, о сотрудничестве их с белыми. Впервые американцы обвиняются в намерении аннексировать Сибирь и в устройстве концлагеря, где они морят голодом, убивают и вешают заключенных⁹. По всей вероятности, приписки были сделаны самим автором. Возможно, что он пошел на самоцензуру добровольно, в угоду тогдашним требованиям к литературе. Пять лет спустя он осуществил сходную переработку повести *Бронепоезд 14-69*, когда в этом не было никакой необходимости.

В то время как Иванов приписывал американцам всяческие зверства, цензоры вычищали из *Правонарушителей* (1922) Лидии Сейфуллиной строки об американской помощи голодной советской России в 1921 году¹⁰.

⁸ Ср.: *Севастопольская трагедия*, кн. 1, Москва 1949, с. 96, 561; кн. 2, с. 653; *Севастопольская трагедия*, ч. 1-3, Москва 1950, с. 126, ч. 4-6, с. 121, ч. 7-9, с. 662. Издания романа, выпущенные Гослитиздатом в 1948 и 1949 годах, идентичны.

⁹ Ср. Вс. Иванов, *Бронепоезд 14-69*. В кн.: Пьесы, т. 1, Москва–Ленинград 1948, с. 185, 190; *Бронепоезд 14-69*, новая ред., Москва 1952, с. 55, 61.

¹⁰ Ср.: Л.Н. Сейфуллина, *Избранное*, Москва 1948, с. 154; *Повести и рассказы*, Москва 1953, с. 189-190.

Теперь перейдем к поправкам в произведениях, написанных непосредственно перед началом антизападной кампании или в ходе ее. Только пропагандой слепой ненависти к врагу можно объяснить введение следующей фразы в переработанный вариант фадеевской *Молодой гвардии* (1945) в 1951 году: „Великому нашему товарищу Сталину судьба привела сидеть за одним столом с такой собакой, как Черчилль...”¹¹. Это сказал глава большевистского подполья Филипп Лютиков в назидание Олегу Кошевому, когда тот не проявил желаний заниматься противными ему делами.

В романе Валентина Катаева *За власть Советов* (1949) антизападные поправки приняли мелкий, подчас анекдотический характер. В переработанной редакции 1951 года нет больше мотора от „кадилака” и пивной „Лёвенбрей”, швейная машина „Зингер” оказалась без названия, „Лондонская” гостиница превратилась в „Красную”, а „дуглас” – в „самолет”¹².

Хотя в двух из вышеприведенных примеров зачеркнуты немецкие названия, общее отношение к немцам в переделанной версии романа значительно улучшилось. Во многих случаях, чтобы не бросать тень на весь народ, „немцы” или „немецкие солдаты” стали „фашистами”, „гитлеровцами”, „эсесовцами”. Более того, цензура начала замалчивать злодеяния немецкой армии. Выброшено, например, было авторское описание вражеского поведения в Одессе весной 1944 года: „Немецкие войска были бандой грабителей и убийц... Не было такого преступления, которого бы они не совершили за три месяца своего владычества в городе. Они насиловали, жгли, грабили, убивали”¹³. Может быть, Катаев преувеличивал бесчинства вермахта. Однако причина купюры заключается скорее всего в том, что в октябре 1949 года Советский Союз создал из восточной Германии вассальное коммунистическое государство, и нельзя было не считаться с национальными чувствами его населения.

Две поправки в первом отдельном издании *Студентов* (1950) Юрия Трифонова наглядно свидетельствуют об умалении западной культуры. В журнальном тексте повести студент Сырых сравнивал картину Василия Верещагина *Торжествуют* с репинскими *Бурлаками*, причисляя Верещагина к приверженцам „чистого искусства”, безразличного к обществу и политике. Год спустя цензура уже не могла примириться с осуждением патриота-баталиста, погибшего в русско-японской войне.

¹¹ Ср.: А. Фадеев, *Молодая гвардия*, Москва 1946, с. 401; *Молодая гвардия*, доп. и перераб. изд., Москва 1951, с. 553.

¹² Ср.: В. Катаев, *За власть Советов*, Москва 1949, с. 33, 34, 79, 82, 106; *За власть Советов*, перераб. изд., Москва – Ленинград 1951, с. 16, 17, 50, 52, 71.

¹³ Ср.: *За власть Советов*, 1949, с. 587; перераб. изд., 1951, с. 537.

На месте Верещагина возник Генрих Семирадский, поляк по происхождению, проживший долгие годы в Риме. Его картина *Танец между мечами* противопоставляется *Бурлакам*. Правовой студент Белов называет его художником „западного толка“, чьи полотна „напоминают не жизнь, а театр“¹⁴.

Вторая поправка представляет собой вставку в виде размышлений Белова после стычки с профессором-космополитом Козельским. Студент думает о непревзойденной высоте русского реализма. Он дал плеяду великих имен в XIX веке и „вырастил Горького, которому не было и нет равных ни в одной стране!“ И не стоило Козельскому называть Диккенса в связи с Гоголем. Ведь *Записки Пиквикского клуба* не выдерживают сравнения с *Мертвыми душами*¹⁵.

В 1953 году суждения Белова о Диккенсе перешли дословно в очередное издание *Студентов* на русском языке, но были немного смягчены вклинением фразы: „Никто не отрицает гениальности Диккенса“ – при переводе повести Трифонова на английский язык в издательстве „Литература на иностранных языках“. В том же переводе Семирадский из художника „западного толка“ превратился в „простого подражателя“, Трумэна и Дьюи не величают больше „прохвостами“, опущены пресзрительные замечания бывшего советского офицера о боеспособности американских солдат, которым, по его словам, далеко до настоящих вояк – немцев и финнов¹⁶.

Таким образом, уже после смерти Сталина, цензура подходила к читателям с двойной меркой. Она сглаживала наиболее злобные и лживые выпады против Запада в переводах, но оставляла их целиком для соотечественников. Очистка произведений от антизападного материала и восстановление ранних текстов начались, вероятно, в конце 1953 года и протекали медленно и неравномерно. У каждой вещи своя судьба. В *Севастопольской страде* и пьесе *Бронепоезд 14-69* плоды антизападной правки сохранялись десятилетиями. К счастью, в сегодняшней России появилась возможность переиздавать сочинения в тех редакциях, которые меньше всего пострадали от цензуры, особенно в годы ее расцвета.

¹⁴ Ср.: Ю. Трифонов, *Студенты*, „Новый мир“ 1950, №10, с. 102 - 103; *Студенты*, Москва 1951, с. 81 - 82.

¹⁵ Ср.: *Студенты*, „Новый мир“ 1950, № 11, с. 62; 1951, с. 223 - 224.

¹⁶ Ср.: *Студенты*, Москва 1953, с. 48, 82, 209, 224; *Students*, перевод Ivy Litvinova and Margaret Wettlin, Moscow 1953, с. 67, 106, 251, 267.